

ПОТЕРЯННАЯ МЭРИ

ДАНИЭЛЬ БРЭЙН

18+

Overcast

Даниэль Брэйн

Потерянная Мэри

«Автор»

2026

Брэйи Д.

Потерянная Мэри / Д. Брэйи — «Автор», 2026 — (Overcast)

Мир после глобальной катастрофы, затерянный в океане континент, может, единственный уцелевший. Люди давно научились жить заново, обустроили быт, установили власть, закон и порядок. На пустынной дороге перевернулся транспорт архивной службы, из здания архива пытались украсть картину, на крыльцо жилого дома на третьей столичной линии подбросили младенца. Если три эти события связаны, стране грозит государственный переворот. Капитан Джеки Девентер расследует происшествия, преследуя более чем личный интерес.

Содержание

Глава первая. Бегущие на верную смерть	5
Глава вторая. Ваше имя и место службы	16
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Потерянная Мэри

Глава первая. Бегущие на верную смерть

Пыльная буря шла третьи сутки. Ее спутниками были горячий ветер, вездесущий песок и всеобщее помешательство.

Третий день были закрыты учебные классы, центры досуга и почти все производство. Каждые полчаса, основательно проплевавшись помехами, приемники разорялись хриплой песнью о необходимости оставаться в помещениях, закрывать окна и двери и пользоваться средствами индивидуальной защиты. Жителей Эндевора и округа Нэре заперли в тесных клетушках резиденций и многоквартирных домов.

От жары, безделья и вынужденной изоляции жители Эндевора и округа Нэре с удовольствием сходили с ума. Джекки Девентер, глава следственного отдела управления государственной стражи, из-за этого полоумия отложила до более благоприятной поры выяснение обстоятельств аварии транспорта государственной архивной службы и занималась совсем не своей работой.

В общественной кантине на пятой линии женщины не поделили обед, подпортили друг другу лица и нанесли кантине незначительный ущерб. Трое мужчин сцепились по невыясненной причине на лестнице резиденции на седьмой линии. Две сотрудницы семейной комиссии устроили дележку безразличного к их страстям вдовца посередине первой линии. Женщин определили в камеры, вдовца – в госпиталь, зашивать раны, в семейную комиссию из управления полетел издевательский рапорт за подписью самого генерала, обратно, вероятно, проклятья. Одинаковые конфликты замельтешили с пугающей быстротой.

Дежурная смена не справлялась с потоком заявлений, дежурный офицер походил на тень и спал где придется. Второй уровень погодной опасности, объявленный вчера в середине дня, поубавил число желающих нестись в управление, что не означало, что количество происшествий сошло на нет. За запертыми дверями, за плотно закрытыми окнами, была уверена Джекки, все только начинается и скоро рванет.

Люди стервенели в четырех стенах друг от друга и духоты, особенно сильно ощущавшейся к вечеру, при раскаленном ветре с запада. Капитан Джекки Девентер зверела от безумия людей и нехватки государственных стражников. Она задрала голову, дослушала покашливание приемника за стеной и отметила, что допросы свидетелей нападения на архив длятся четвертый час.

Женщина, сидевшая в кресле для посетителей, терла глаза, и дорожки слез тянулись по щекам, присыпанным красной пустынной пылью. Песок пробирался в любые щели, забивался под одежду, хрустел на зубах, и даже на собственном столе Джекки могла пальцем начертить свои инициалы или послать длинной надписью кого-нибудь в пекло.

В кабинете, как и во всем здании управления, стояла убийственная жара. Джекки понемногу к ней притерпелась, а сержант Кин, усердно скрипевший пером по бумаге, изнывал. По его страдальческому взгляду было очевидно, что он готов раздеться до исподнего и терпит исключительно потому, что будет неправильно понят.

– Вы находились в помещении для дежурных, капрал, на положенном вам перерыве. – Джекки убрала со лба влажную прядь, Кин наугад ткнул ручку в чернильницу и со вздохом записал вопрос. Женщина в кресле подняла голову, сжавшись еще сильнее. – Вы были одна, все было спокойно, что случилось потом?

На столе среди прочих бумаг лежали протоколы предыдущих допросов капрала Окка. Первый провел все тот же сержант Кин на месте, повторно ее допросила дежурная сержант в

управлении. Капрал Окка не понимала, зачем ей задают одни и те же вопросы, а Кин замучился их записывать вместе с ответами.

– Я услышала, что кто-то бежит, – еле слышно выдавила капрал и облизала пересохшие губы. Жест вышел бессознательным. Джекки поднялась, подошла к шкафу, налила из графина мутноватой теплой воды и поставила стакан перед капралом Окка.

– Здесь душно, как и везде, капрал, – Джекки обошла стол и встала за спиной Кина. – Можете снять куртку, если хотите.

Куртку капрал Окка снимать не стала, но воду выпила жадно, большими глотками. Кин коротко обернулся и пожал плечами, выражая полное согласие с тем, что на втором этаже управления государственной стражи, в кабинете главы следственного отдела, не так страшно, как считают за стенами этого здания. Намного страшнее, чем рисует обывательская фантазия.

– Я... не придала этому значения, капитан, – продолжала капрал уже свободнее. – Потом что-то упало. Я испугалась.

Пока капрал сказала не больше и не меньше того, чем говорила до этого. Кин на середине предложения поставил смачную кляксу и тихо пробормотал ругательства, но переписывать не стал.

– Я выбежала...

– Чего именно вы испугались, капрал?

Ни Кин, ни дежурная сержант не спросили ее об этом. Капрал Окка снова сжалась, и Джекки выругалась про себя. У Окка и так случилась истерика в холле управления, не хватало начинать все сначала.

– Вы не могли знать, что там происходит, капрал, – нахмурившись, пояснила Джекки, проклиная про себя все вокруг. – У вас был перерыв на ужин, и все же что-то удивило вас так, – она употребила более подходящее к случаю слово вместо «испугало», – что вы выбежали в коридор. Что?

Капрал задумалась. Джекки видела, что она действительно пытается вспомнить, но подсказывать не собиралась.

– Это было... – произнесла капрал и замолчала, уставившись на бумаги. Прочитать она ничего не могла, все исписанные листы были перевернуты. Джекки наклонилась и подцепила из-под руки Кина нужный протокол.

– Арлена, – окликнула она, отыскав имя и вернув протокол на место, – что бы там ни произошло, вы в этот момент не считались государственным стражником, находившимся при исполнении. Что бы ни произошло, я не отправлю вас под арест за то, что вы сделали или не сделали.

Кин, пользуясь тем, что Джекки стоит у него за спиной и видит все, что он пишет, начеркал в протоколе «ха!» и шлепнул сверху кляксу. Кин работал в следственном отделе достаточно, чтобы не верить всему, что здесь обещают.

– Это было что-то вроде... – Капрал еще раз облизнула губы, Джекки списала это на волнение и жару. – Я бы сказала, что похоже на драку.

«Терпение – главная добродетель любого следователя», – любил повторять полковник Рик Стентон, заместитель главы государственной стражи, надеясь хотя бы Джекки привить со временем то, чем абсолютно не обладал сам. Преуспел полковник в этом лишь частично.

– Все было очень быстро. Как будто... два человека столкнулись, потом удар и падение. Я поняла, что кто-то упал.

«Надо слушать людей, – наставлял полковник Стентон. – Даже тогда, когда главная добродетель уже на исходе». Кин всем видом демонстрировал, что ему не нравится, когда кто-то смотрит в его бумаги, и Джекки пару раз прошлась по кабинету, ожидая, пока Окка еще что-нибудь скажет.

– Я выбежала.

– Он должен был пробежать мимо вас, – напомнила Джекки, дошла до стены и развернулась. – Вы шли со стороны входа. Или выхода, как на него посмотреть.

– Нет, – быстро сказала капрал, и эти показания прозвучали увереннее, чем остальные. Она даже выпрямилась и расправила плечи. – Никто не пробегал. Я увидела, что кто-то лежит, и побежала туда. И... – она опять сникла. – Я не подала сигнал тревоги, капитан.

Тревогу поднял сержант, старший смены охраны архива, и от момента нападения до сигнала, по показаниям прочих свидетелей, прошло от минуты до двух. Подозрительные звуки слышали сержант и два капрала, дежурившие у входа. Сержант покинуть свое место сразу не мог, но капралов отправил незамедлительно. Капрал Арлена Окка была в таком потрясении, что не заметила их появления и не ответила ни на один вопрос сержанта.

Ни сержант Лэйси, ни капралы, которых Джекки допрашивала до Окка, не видели чужака. Он ниоткуда не мог прийти, ему некуда было деться, ему удалось уйти незамеченным, и все гадали, куда и как.

– Вы не видели, кто напал на капрала Харгрейва. Но вы слышали, в каком направлении он побежал.

Окка покачала головой. Джекки стояла теперь рядом с ней и раздумывала, что предпринять дальше. Вариант «потерять терпение» напрашивался сам собой.

– Нет, капитан. Драка, удар, падение, это все.

– Драка, удар, падение, – перечислила Джекки себе под нос и добавила уже громче: – Вы свободны, капрал, – и она, расписавшись на служебном листке, подвинула его к Окка.

Дольше держать в духоте и без того обессиленную пожилую женщину не было смысла. «Драку» капрал Окка, по сравнению с первыми показаниями, успела додумать, но главное было ясно.

– Драка, удар, падение, – повторила Джекки, когда за Окка закрылась дверь, и посмотрела на Кина. Тот глубокомысленно развел руками, достал из ящика плоскую металлическую коробку, перочинный нож и принялся затачивать карандаши. Мусор он педантично собирал на протокол. – Столкновение, удар, падение. Примерно так, или два удара, но я склонна считать, что Окка путает. Харгрейв поднял бы тревогу, будь у него хотя бы секунда, но он не успел. Куда мог деться нападавший? Как он мог незамеченным пройти в архив?

Кин оживился и даже бросил свое излюбленное занятие. Планы всех государственных учреждений он знал лучше, чем кто бы то ни было, потому что до того, как перейти в подчинение Джекки, занимался пожарной безопасностью и крови всем попортил немало. Трудно было сказать, кто больше рад его продвижению по карьерной лестнице: Джекки, у которой появился отличный помощник, сам Кин, получивший вместе с должностью привилегии, или лица, ответственные за то, чтобы в случае чрезвычайной ситуации уцелели и люди, и ценности.

– В здании архива два выхода – основной, где обычно торчит охрана, и переход к нам в управление, – вдохновенно зачастил Кин, опасно размахивая перочинным ножом. – Переход справа, там еще поворот, в самом архиве возле двери в переход тоже есть караульный, но если даже он врет, что никто не пробегал, капитан, у нас бы увидели постороннего как минимум трое. И второй этаж архива – решетки в конце лестниц справа и слева, одна постоянно закрыта, за второй киснут два капрала. Но они лязгают, капитан, эти решетки.

Кин стряхнул мусор в корзину и притворился, что ошметки по всему полу он не заметил.

– Эвакуационный выход?.. – спросила Джекки, прекрасно зная ответ.

– Да какой эвакуационный выход? – искренне изумился Кин и, подумав, снова взялся за перочинный нож. – Кто бы его там придумал? Будет гореть архив, будут сигать из окон первого этажа, а на втором этаже в окнах мышь и та застрянет. И решетки, их целое дело еще открыть.

– Все решетки целы и все закрыты, – сообщила Джекки по памяти. На месте происшествия она пока не была, но показания свидетелей помнила четко.

– Изнутри закрыты, и я не исключал бы сообщника, если бы не эта картина.

Джекки подошла к окну. Оно было занавешено темной шторой, Джекки отдернула ее и смотрела, как снаружи бесится песчаный вихрь. Стемнело, в нескольких футах от окна болтался фонарь, и ничего не было видно, кроме трепыхавшегося пятна. Джекки прислонилась лбом к заметенному пылью стеклу, и оно было ничуть не прохладнее воздуха в кабинете.

– Кому понадобилась картина? – уныло спросил сержант то ли у Джекки, то ли у протоколов.

Этот вопрос Джекки слышала не впервые. Кому потребовалось проникать в охраняемое здание, красть картину и после нападения на капрала Харгрейва бросать похищенное рядом с безжизненным телом, никто не знал. И сержант Лэйси, и капралы как один уверяли, что не поверили собственным глазам, когда увидели окровавленную картину на полу коридора, но идти против факта было нелепо.

Джекки едва сдержалась, чтобы не шарахнуть по стеклу. В нападении кто-то усматривал вызов, кто-то провокацию, кто-то съехидничал, что из госпиталя сбежал ошалевший от жары пациент с неустойчивой психикой. Час для веселья был выбран неподходящий, и дежурный лейтенант отправил шутника патрулировать улицы. Кин подытожил – легко отделался.

Джекки повернулась, указала на грудку бумаг:

– Оформите протокол, сержант, я к полковнику.

В коридорах управления было тихо, из кабинета ближе к лестнице доносился громкий встревоженный голос. Джекки, пользуясь своим положением, распахнула без предупреждения дверь.

Дежурный лейтенант Балто, проводивший допросы тех, кто был в архиве помимо государственных стражников, махнул рукой на высокого пожилого мужчину. Тот обиженно замолчал и вытаращился на Джекки. Балто покачал головой, давая понять, что ничего важного у него нет. Джекки захлопнула дверь, свидетель принялся голосить невыразительно и монотонно, и Джекки сообразила, что он глуховат.

На лестнице ее нагнал надоевший хрип:

– Объявлен второй уровень погодной опасности с возможным переходом на третий. Не покидайте место жительства, рабочие места, пользуйтесь средствами индивидуальной защиты. Не открывайте окна и вентиляцию, не оставляйте открытыми двери. Объявлен второй уровень погодной опасности...

Дежурный диктор давно осип, но смена еще не окончилась, и мучиться ему предстояло порядком.

Джекки поднялась на третий этаж, постояла перед приемной генерала Джервиса, потом толкнула тяжелую дверь.

Полковник Рик Стентон давно покинул пост генеральского адъютанта, но по-прежнему предпочитал генеральскую приемную, и, возможно, это было причиной того, что нового адъютанта генерал так и не взял. Рик не терпел конкуренции даже там, где ее в помине не было. Сейчас он выпрямился и сдвинул брови, придав себе властный и чарующий вид, но увидев, что это Джекки, откинулся на спинку кресла и расстегнул еще одну пуговицу на рубашке.

– У меня для тебя нет совсем никаких новостей, Джекки. Ни плохих, ни хороших.

Джекки кивнула и закрыла за собой дверь.

– Смогла что-то вытащить из этой Окка? У меня было чувство, что ее придется бить чем-то тяжелым по голове. Обошлось?

Вожделенное терпение не входило в число добродетелей Рика Стентона, и допросы он старался сам не проводить. В его присутствии пылали негодованием мужчины и рыдали женщины, но это, по уверениям Кина, было вызвано обаянием полковника: мужчины мечтали его убить, а женщины молили его о благосклонности.

– Ее надо перевести на работу с бумагами, – устало выдохнула Джекки, падая в кресло напротив Рика. – Она неплохо соображает, но медленно реагирует, на посту второго этажа ей

не место, пусть сидит, сортирует старье, которое постоянно привозят. Впрочем, чья бы в этом была вина и был ли когда-нибудь случай, чтобы кто-то пытался ограбить архив?

– И похитить картину. Я о таком только в книгах читал.

– Она поняла, что произошло нападение, но не подала сигнал, как требовала инструкция, – продолжала Джекки, игнорируя реплику Рика и стараясь себя убедить, что инструкция ничего бы не изменила. Разве что нападавшего успели бы задержать.

– Ты намерена предъявить ей служебное несоответствие? – поинтересовался Рик, чуть прищутив глаза. Джекки взглянула на него, подумав, что капрал Окка не устояла бы перед ним, как и прочие, но Окка и без Рика истекла слезами достаточно.

– Сложно требовать от людей действий, которые многократно не отработаны. Да, предъявлю, чтобы остальным стало ясно, что готовыми стоит быть ко всему, даже к тому, что никогда не случалось. – Джекки помолчала, разглядывая государственный флаг за спиной Рика. – Не могу избавиться от чувства вины.

– Ты следователь, а не руководитель архива, – возразил Рик и тоже обернулся на флаг. – Теперь у парламента будет повод вышибить из кресла этого старого пня. Как думаешь, кого назначат на его место?

В приемной генерала не было испепеляющей легкое духоты – третий этаж был самым комфортным, Джекки чувствовала слабое движение воздуха. Отвечать она не торопилась.

– Врачи не дают никаких прогнозов, – перевел тему Рик, поняв, чего она от него ждет, или просто признав, что этого не избежать. – Джекки, они не всесильны.

– При нападении пострадал мой сотрудник! – заорала Джекки и осеклась. Рик пытался растормошить ее, вызывая на себя гнев, адресованный неизвестному, и, сознавая это, Джекки заставила себя просто заткнуться после того, как позволила себе первый срыв.

– Капрал Харгрейв не был твоим сотрудником. Он подчиненный Балто.

– Я выдернула его из патруля!

– Ты считаешь, что в патрулировании меньше риска?

Рик был прав, особенно учитывая, что творилось в последние дни. Джекки стиснула кулаки так, что короткие ногти впились в ладони. Лейтенант Балто, когда-то согласившийся на перевод Харгрейва из уличного патруля, не сказал ей ни слова, что не значило, что он ее ни в чем не обвинял. А Рик обмолвился «был» – или проговорился.

– Я найду его, чего бы мне это ни стоило. Что это будет стоить ему, мне без разницы.

– Только не пристрели его. Я серьезно.

– Работы на люминолитных шахтах хуже легкой и быстрой смерти, – ослабилась Джекки и прикрыла глаза. Ненадолго, на пару секунд, и ощутила под веками неприятную резь. – Никто еще не вернулся оттуда... Проклятая буря.

– Есть версии? Хоть какие-нибудь?

У Джекки не было версий. Она помотала головой, дернула воротник насквозь промокшей от пота рубашки. Рик тоже сидел в одной рубашке, но даже такой, взмыленный, одетый не по форме, он мог при желании уделать парламент в полном его составе и произвести нужное впечатление на любого, если бы захотел.

– Мне нужно в архив, – сказала Джекки. – Мне надо понять, какой путь он проделал. Неясно, как он вошел, миновав посты. Неясно, куда он делся. Так не бывает, значит, он кто-то из тех, на кого не обратили внимания.

Рик сел прямо, порывшись в бумагах. Джекки насторожилась.

– Каждый раз я сюда прихожу и обнаруживаю эти завалы. Стоит посадить в приемную толкового адъютанта, где бы его еще найти. Если я успею, предложу генералу одну кандидатуру до того, как произведут перестановку в архиве...

Джекки предупреждающе подняла руку вверх.

– Нет, Джекки, я знаю, ты предпочитаешь вести подобные разговоры в другой обстановке. Не получится, мне все это не нравится. Ты закончила с аварией транспорта?

Джекки давно похоронила аварию под кипой других дел, но результаты у нее были.

– Несчастный случай. Техники однозначны и единодушны. Я начала писать заключение, но мне подпортили планы тем, что половина Эндевра съехала крышей. Лэйси вчера приволок пикетчика. «Верните нам небо». Кто бы разум вернул этому идиоту, если он хоть когда-то его имел.

– Авария транспорта государственного архива три дня назад, нападение на архив этим вечером, – перечислил Рик, как и не слыша ее ответ. – Два архивиста в госпитале, один погиб, государственный стражник в госпитале... Четыре сотрудника архива, потому что для постороннего это выглядит именно так, и какая постороннему, в пекло, разница, кто такой Харгрейв. А для меня это выглядит предупреждением. Кто-то копает старику Татэму могилу?

Джекки поморщилась. Татэм, как и большинство парламентских менторов, смотрел на государственных стражников как на пустое место, и государственные стражники платили парламенту тем же. Рик на своей должности был вынужден угождать обеим сторонам, не говоря уже о генерале.

– У тебя нет версий, Джекки, отлично, у меня тоже пока ни одной, но сама посуди: сидел этот пенек двадцать пять лет, возглавлял архив, дрых в своем кресле, портил воздух, не мешал сотрудникам поддерживать какой-никакой, но порядок... Если бы я решил выкорчевать его, начал бы не с аварии и не с картины.

– Ты просто умнее, Рик, – перебила Джекки и вытерла о штаны вспотевшие ладони.

– Не льсти, Джекки. Картину, – с нажимом повторил Рик и разом сгреб бумаги в огромную кучу. Теперь он удрученно смотрел на нее и приглашал полюбоваться и Джекки – вот какая у меня прорва дел. – Он бы еще статую поволок, которая в архиве стоит на втором этаже. Без рук, без головы, высотой футов семь, как ее туда заташили, не знаешь? – Джекки пожалла плечами. – Интересно, не надорвался ли кто... Ты улыбаешься, это уже хорошо. Я опасался, что тебя это все сильно... задело.

Джекки подумала, что если сорвется слеза, она объяснит ее воспаленными глазами, пыльной бурей и последними тремя сутками – объективно.

– Кто бы он ни был, я достану его из-под земли и закопаю собственными руками, – сишло пообещала она. – Но авария, Рик, это несчастный случай. Водитель не справился с управлением. Выкинь аварию из головы.

Рик смущенно поерзал и принялся раскладывать бумаги в аккуратные стопки. Всем в управлении было сейчас нелегко, каждый искал способ успокоиться и отвлечься, но Рик хотя бы сидел на месте, а не носился по приемной с перочинным ножом. Кину уже несколько раз влетало от Джекки и один раз – от генерала, имевшего неосторожность зайти в тот самый момент, когда Кину приспичило развлекаться с починкой карандашей и в красках расписывать, как вместе с капралом Харгрейвом он за пару часов разобрался в загадочной гибели одиннадцати человек.

Джекки запрокинула голову к потолку.

– Не могу. Ты просишь меня отмахнуться от факта. Авария и есть несчастный случай, – вздохнул Рик. – Уже началась буря, транспорт опрокинулся на повороте, второй транспорт нагнал их спустя минут пять-семь... Допустим. Я не оспариваю твои выводы. Но кто-то этим воспользовался. Какой-то непроходимый идиот увидел в этом отличный шанс и быстро организовал нападение на архив. Кто-то больной на всю голову крадет картину – Джекки, кто в наше время крадет картины? Пытается сбежать с ней, сталкивается с капралом Харгрейвом, бьет его рамой по голове. Похоже, его самого систематически били по голове. После этого нападавший бросает картину и сваливает непонятно куда. Бред? Не то слово, но у нас слишком много свидетелей, кто-то из них все же не врет.

Все упиралось в картину. Ничем не примечательную, одну из тех, которые привезли из заброшенных поселений и свалили в архив. Ей даже не подыскали место в музее, который еще и не начали строить, но экспонаты уже отобрали и хранили отдельно. У всех вызывала недоумение эта бестолковая, абсурдная кража. Джекки не знала мнения генерала, но полагала, что на абсурд у кого-то и был расчет.

– Я начну с нападения. В нем есть за что зацепиться, в нем есть потерпевший. Авария... надо попробовать поговорить с пострадавшими архивистами. Тех, кто ехал за ними следом, я допрашивала несколько раз, их показания не разнятся.

Рик держал на столе старинный письменный прибор: серебряная подставка, чернильница, пустая оснастка для печати, две ручки, давно не годящиеся для письма. Неравнодушный к канцелярским принадлежностям Кин, заглядывая в приемную, руки прятал за спину и все равно очень страдал.

– Зачем тебе это старье? – Джекки вытащила покрытую патиной ручку, покрутила ее в пальцах.

– Прижимаю бумаги, не помогает, ветром сносит, если открыть окно. Джекки, что если бьют не по Татэму? Важен не тот, кого уберут, а тот, кто усядется в свободное кресло?

Джекки уронила ручку в прибор, встала и прошла по приемной. Рик следил за ней внимательным взглядом, и Джекки смирилась – еще одной нежелательной темы не избежать.

– Я вижу, к чему ты клонишь. В кресло Татэма садиться некому, – проговорила она с неохотой, Рик согласно кивнул. – Ты это знаешь не хуже меня. – Рик опять кивнул и продолжил рассортировывать бумаги по стопкам. – Не трясись головой, если тебе необходимо, чтобы я развеяла твои сомнения, можешь прямо спросить. Даже если выкинут Татэма, у него имеется заместитель, такой же престарелый пенек, как его... Вудроу?.. А генерала ты спрашивал? – Рик загадочно хмыкнул. – Он косвенно, но заинтересован, пусть его сейчас здесь и нет.

– Он-то как раз в архиве, так что не суйся туда.

– Спасибо, что предупредил, – растерянно буркнула Джекки. Рик всегда прибывал на серьезные происшествия первым, но генерал появлялся на месте событий редко, предпочитая свой кабинет. – Что он там забыл?

– Татэма, – хохотнул Рик. – Вудроу в подобное пекло как сидел, так и сидит у себя в квартире, а Татэм был в архиве, когда все произошло, и генерал осматривается, чтобы было что ему предъявить. Полагаю, что само место нападения лишь предлог, генерал и смену оставил ту же, чтобы было поменьше глаз. Не соответствует процедуре, но кто генералу когда был указ?

Джекки представила словно воочию, как генерал Джервис разгуливает по всем кабинетам архива и подмечает все, что затем объявит серьезными упущениями. Предположения Рика насчет снятия Татэма с насиженного шестка перестали ей казаться надуманными.

– Моя первая мысль была: Харгрейв – предупреждение. Мне, – Джекки нервно дернулась, – или кому-то выше. Я не хотела это озвучивать, Рик, но думала точно о том же. Харгрейв в связке со мной, я – с судьей Торн и ее возможными планами. Так?

– Так, – признал Рик. – Судья планирует посадить на место главы архива своего человека. Своего сына, если называть все настоящими уже именами, потому что сколько можно юлить, мы здесь все свои. Отлично, кто бы был против, кроме самого капитана Торна, потому что он только и делает, что бегаёт по пескам и затопленным поселениям от кабинетной карьеры. Если удар по Харгрейву связан с тобой, это вполне может значить: «Не суйтесь, бейлиф, следующим будет ваш сын». Судья ведь достаточно проницательна, чтобы это увидеть. Ну, могли и тебя прикончить...

В связи с последним предположением особой уверенности Рик не излучал.

– Я и без того каждый раз думаю, что меня пристрелят, когда я подхожу к зданию парламента, – Джекки посмотрела на карту на стене, не обнаружила там ничего интересного и отвернулась.

– Или кто-нибудь швырнет в твой транспорт взрывное устройство. Но это будет тебе лично, потому что ты многим успела прищемить хвост.

– Для умысла поразительно грубо сработано, – Джекки дошла до стола, решительно сдвинула сиротливую стопку и уселась на свободное место. – Я сомневаюсь, что сработано в принципе, на таком уровне дураки не играют.

– Не спорю, но об заклад не побьюсь. И слезь немедленно со стола. На таком уровне дураки не играют, но что если играет совсем не дурак?

Рик сунул руку в одну из бумажных куч, и Джекки, с недовольством покинувшая свое место, уставилась на него с хмурой гримасой.

– Договаривай, раз начал. Давай еще раз: судья Торн и генерал Джервис, власть судебная и власть исполнительная, в парламенте стоять против них двоих некому, так? Ты пытаешься намекнуть, что они пошли друг против друга, что они могут пойти друг против друга. Эффектно, но даже как допущение не выдерживает критики. – Джекки взяла протянутый лист. – Что это?

Рик не ответил, и ей пришлось вникать. Почерк на заявлении оставлял желать лучшего, и хотя сама Джекки не могла похвастаться каллиграфией, спустя пару абзацев она готова была завывать. Рик ждал и не проявлял нетерпения, и поняв, что Джекки продралась через каракули, произнес:

– Не выдерживает. Теперь смотри, – тон его звучал подозрительно незаинтересованно, – в два разных города с разницей в пару лет подкинули двух детей, рожденных определенно от одной матери.

– Или отца, – парировала Джекки и помахала перед носом Рика заявлением. Связи между возможной – по версии Рика, сама она считала это вздором – враждой судьи Торн и генерала Джервиса и подкидышами она не видела. – Шесть пальцев... не отмахнешься. Но с каких пор родильницы из квартала Пару приносят ненужных младенцев на третью линию и тем более таскают их в Линкольн?

– Авария – случайность, нападение на архив – провокация, но подкидыши, которых невозможно не связать? Под носом Джервиса расселились сeditионисты и осмелели до такой степени, что заходят в крупные города и оставляют детей на попечение государства, от внимания которого сами сбежали чуть раньше. Полуголодные, полуживые, больше похожие на призраков, чем на людей, они крадутся в ночи на центральные линии и никого не боятся, – живописал Рик, а Джекки все больше мрачнела. – Если не судья и генерал пошли друг против друга, но я этого и не говорил.

Джекки еще раз посмотрела на исписанный листок и села. Рик занялся бумагами, а она барабанила пальцами по столу и думала, что может ему возразить и что ей тоже пора найти себе какое-нибудь безобидное и раздражающее других занятие. Например, стрелять по паукам, забредшим в кабинет, или ковырять острием кинжала подвернувшееся под руку государственное имущество.

Беглецы существовали всегда, и до Бедствия, и после. Те, которые были до, погибли все до единого – их территорией было безлюдное северо-западное побережье, и их смыло гигантской волной, когда мир начал рушиться. Океан разлился на сорок пять миль, разметав по камням и скалам тела и обломки, и вернулся через несколько дней добить тех, кто уцелел. До сих пор были камни и скалы, и соленые пятна болот, в которых находили тела и вещи. До Бедствия бежали преступники и изгои, неудачливые игроки, должники, кто угодно, их всех объединяло одно: их искали, чтобы лишить свободы, забрать свое или просто убить. Никто из них не бежал добровольно.

После Бедствия в одиночку стало не выжить. Цунами и ураганы, проливные дожди и холод согнали спасшихся людей за укрытия гор, в центр Скайда, и после первого шока, спустя пару месяцев, когда стало ясно, что мир изменился до неузнаваемости и все, что было важным,

кануло в небытие, началась резня. Это была бойня – война за ресурсы, за разорванную теплую куртку, за кусок хлеба, за глоток чистой воды. Бунты удалось подавить, зачинщиков и особо рьяных в назидание казнили на площади, вспомнив лихие старые времена, и тела их еще долго болтались на виселице на радость падальщикам.

Установили порядок, наладили жизнь, и через несколько лет из первого нового поселения сбежал первый сeditионист. Тот, кто был недоволен изматывающим трудом, невыносимыми условиями жизни, постоянным недоеданием, холодом и безнадежностью. Его тело нашли спустя неделю в нескольких милях от поселения. Хищники тоже бежали прочь с побережья, отвыкая территории у сытых и жирных обитателей холмов и равнин, и им не хватало покорной, не умеющей скрываться и защищаться еды.

Поселения продолжали покидать. За пределами охраняемых мест беглецов ждали мнимая, полная лишений свобода и очень быстрая жизнь. Ни одного сeditиониста не удавалось взять живьем или в здравом уме, чтобы спросить их, чего ради они скитаются по континенту. Голод и жажда, жара и холод, дикие звери, травмы, болезни – причин для внезапной смерти или мучительной медленной гибели можно было отыскать пару десятков. Сeditионисты в отчаянии нападали на небольшие общины и транспортные колонны, их преследовали, обнаруживали и окружали – те, кто еще сохранил подобие разума, делали все, чтобы не возвращаться. Они бросались со скал, разбиваясь, и не всегда сразу насмерть, наспех крутили петли на ветках деревьев, обрывали жизни кривым затупленным ножом.

Джекки видела протоколы осмотра найденных тел. Жизнь беглецов-отщепенцев была коротка, и только падальщики пировали на свежих костях.

– Сeditионисты подбрасывают младенцев в центр города, – Джекки снова заглянула в заявление. – С каких пор они так поступают? Кто-то дважды скрывал беременность, не имея квоты, вот и все. Кто-то два года назад жил в Линкольне, сейчас живет здесь. Это легко проверить.

– Если не генерал и судья друг против друга, против них пошел кто-то третий, и это удар откуда-то сбоку, причем неумелый удар. – Рик как будто прослушал все, что Джекки успела привести как весомые аргументы. – Этот третий уже просчитался или не просчитал, он отвратно знает Торн. Нападение на архив подорвет ее репутацию, если судья будет настолько глупа, – а она не будет, это промашка, – что тут же воспользуется этим и начнет расставлять своих людей на освободившиеся посты. С генералом ситуация хуже, последний случай бегства зафиксирован четыре года назад, и вряд ли кто-то из них дожил до наших дней. У отца больше шансов выжить, чем у матери, но если выяснится, что кто-то из беглецов жив, генералу придется туго.

Рик, закончив монолог, поднялся, отошел к угловому шкафу, и Джекки с досадой увидела, что он и оттуда достает слежавшиеся стопки. На пол летел мелкий бумажный хлам – часть документов рассыпалась в руках: как ни береги, время безжалостно.

– Эндевор и Линкольн. Третья линия у нас – многоквартирные дома высокопоставленных государственных служащих, а окраина Линкольна... Линия два – шесть, недалеко от кампуса старших классов, рядом многоквартирные дома и резиденции, – морща лоб, припоминала Джекки, все сильнее убеждаясь в несостоятельности версии Рика. – Больше похоже на то, что ребенка кто-то специально принес... чтобы свалить на сeditионистов.

Она встала, кинула заявление на стол и подошла к висевшей на стене карте Скайда. Сколько она помнила себя в управлении, столько помнила и эту карту с сотнями пометок, местами стертую до дыр. Кто ее нарисовал и когда, Джекки не знала, но сама несколько раз наносила и убирала места, где появлялись сeditионисты. В самую свежую дырку она потыкала пальцем, но дырка была от Эндевора и Линкольна далеко и образовалась два года назад. Тогда была обнаружена последняя группа – уже не людей, нелюдей, давно одичавших.

Джекки вернулась к столу, нащупала под бумагами ручку, подошла к карте и поставила на ней жирный крест. Рик приблизился, убедился, что она не промахнулась с местом, и потряс перед Джекки найденными записями.

– Тут покойники, – сказал он, ловко разделяя пачку на две части, – и тут тоже. Так что можешь поставить еще один крест, вон там, чуть западнее. Это те, которые дали деру четыре года назад. Видишь, Джекки, какой тупик?

Рик бросил на стол обе стопки. Как он разбирался во всем этом бедламе, Джекки не имела ни малейшего представления.

– Большинство сбежавших опознаны, если было что опознавать. Там парочку сильно объели... Но отдай все перепроверить, вдруг что-нибудь не учли. И если учли, моя новая версия: кто-то сбежал, а мы об этом не знаем. И сбежал довольно давно. Вот и жирный намек, что генерал зря сидит в своем кресле.

Точность опознания сeditионистов была уязвимым местом – полевые патрули знали свое дело, но ошибка была не исключена.

– Младенец в Эндеворе выжил, врачи дают благоприятный прогноз. В списках четырехлетней давности, – Рик указал в направлении стола, и Джекки не находила в том, что там лежало, для себя ничего хорошего, – нет никого, у кого бы было образование. Беглецы, как правило, заканчивают начальные классы, девятая линия в свое время называлась... забыл. Неплохое словечко, на токуви значит «бегство», и последняя партия не исключение, все оттуда. Более ранние идиоты пересчитаны как покойники. Но кого-то мы упустили.

Рик смотрел на Джекки, она – на него. Социальное положение сeditионистов не было новостью, и она не особенно понимала, что именно Рик имеет в виду, разве что у него имеется ряд опасений, и ее задача – подтвердить их или же опровергнуть. Опровержение казалось единственно вероятным. Даже если кого-то из сeditионистов не учли, кто из тех, кто имел возможность и мотивы убраться и судью Торн, и генерала Джервиса разом, мог знать о рождении еще одного ребенка с шестью пальцами на ноге?

Джекки села и вернулась к тексту заявления. Ей мало что говорили медицинские термины, но одно она отметила: тот, кто принимал роды, применил какой-то запрещенный прием, и он оказался действенным. Мать могла от приема умереть, но ребенок попал в госпиталь Эндевора. За два года до этого, пусть врачи тогда были бессильны помочь, еще один младенец с шестью пальцами оказался в госпитале Линкольна.

Рик зашел на свою сторону стола, но не сел, остался стоять. Полутень скрывала его лицо, и Рик был похож не на стража закона, а на политика. Джекки ожидала от него любой проникновенной речи – сегодня он был несказанно красноречив.

– На пятнадцать, в последние годы – тридцать убежавших мужчин приходилась всего одна женщина... – Рик издал невеселый смешок и выбрался из тени, а Джекки постаралась распознать, что на его лице: ухмылка, любопытство или вопрос, который он задал ей для того, чтобы самому разобраться в этом деле. – Женщины бегут за сотни миль голодать, рожают детей и осознают, что детям будет все-таки лучше там, откуда они сами бежали. До сих пор не знаю, повезло ли мне так, что меня подкинули на порог дома на окраине округа Марие, или моя мать была как те женщины с девятой линии, которые ходят беременные, если их не выдают, а патруль натывается на еле живой кулек рядом с местной помойкой. – Рик говорил, глядя в стену, как делал всегда, когда речь заходила о чем-то личном.

– Ты поднимал архивные документы? Воспользовался положением? Чтобы ты знал, тебе это не в упрек.

– Поднимал. Но я в них не нашел ничего нового.

Джекки крутила на столе огрызок карандаша, размышляя, чем озадачить Кина, и представляя приоритеты: допросить пострадавших в аварии архивистов и сдать материал в архив, ему там самое место, даже если Рик прав и это происшествие действительно повлекло за собой

нападение и подкидыша. А вот ребенок – слишком приметный, он появился как нельзя кстати. Рик, выстраивая версии, руководствовался заинтересованностью, он сам был подкидышем, социальным сиротой. Он, как и сотни других, стал тем, кем стал, но от предвзятости не избавился, и Джекки это учитывала.

У нее не было нераскрытых дел, но каждый раз она допускала возможность. По всей видимости, такую вероятность не допускал уже Рик.

– Я проверю все данные, – сказала она, поднимаясь с места, а дальше соврала своему командиру в лицо: – Не представляю, с чего начать.

– У тебя, как обычно, все полномочия, – и Рик не был бы сам собой, если бы не прибавил: – Не сильно ими злоупотребляй.

Глава вторая. Ваше имя и место службы

Дождей не было почти месяц. До того, как из пустыни пришла песчаная буря, по улицам ежедневно бродили с ведрами сотрудники государственной службы эксплуатации и благоустройства и проклинали, наверное, тех, кто из унылого поселения, каким был когда-то Эндевор, и Джекки не застала те времена, сделал цветущий сад. Песок превратил зелень и цветы в подобие каменных мрачных скульптур, и когда налетел порыв ветра, застывшие изваяния вздрагивали, пытаясь стряхнуть с себя налипшую пыль.

На улице было безлюдно, на пятой линии кто-то протяжно кричал. Джекки понадеялась, что там уже на месте дежурный патруль, и подумала, что кто-то выбрал удачное время, чтобы подкинуть ребенка. И выбрал очень удачного ребенка, о котором никто не знал из тех, кто знать был обязан.

Возможность скрыть беременность существовала, но сомнительная даже на пресловутой девятой линии. Ни в Линкольне, ни в Эндеворе, ни в самом отдаленном поселении женщина на таком сроке не осталась бы незамеченной, вся надежда была на то, что люди держат рот на замке. Для людей, кроме обитателей квартала Пару, молчание было нехарактерно, и Джекки мысленно положила гирику на воображаемые весы – на чашу, где лежала версия Рика Стентона. Объективности ради она представила сeditионистку, бегущую в бурю на третью линию, – от реки Эмералд, по заметенной брусчатке, все выше и выше, прикрываясь рваной одеждой, прячась от ветра и пряча ребенка от посторонних глаз – мало кто выглядывал на улицу в такое время, да и мало что можно было рассмотреть, но риск быть обнаруженной оставался, и риск огромный. Джекки допускала, что мать могла бы пойти на подобное, и все же она уравновесила версии, добавив гирику к своей.

Ребенка не бросили бы на произвол судьбы. Любое поселение, любая община, куда можно без особого труда подобраться и откуда можно так же легко уйти.

Ветер поднимал багровую пыль из пустыни Лис и гнал ее на восток. Мелкая, невесомая, она носилась в воздухе, от нее не спасала приложенная к лицу тканевая маска, пыль сводила с ума, от нее некуда было деться. Джекки шла, смаргивая слезы, и смотрела на качающиеся фонари. Сквозь маску, в красном облаке, они выглядели огнями на воротах самого пекла. Песок под ногами шелестел, словно Джекки шла по берегу реки, и это была все-таки не самая сильная пыльная буря. Второй уровень погодной опасности. Когда уровень станет третьим, Эндевор накроют колючие тучи.

Из мутного марева показался патруль государственной стражи. Сержант остановился, узнал Джекки, кивнул и быстро пошел дальше. Из-за бури часы обхода сбились, но патруль не спешил, следуя по привычному маршруту.

До того как отправиться в госпиталь, Джекки обрадовала Кина работой по новому делу и дала указание выяснить, кто из женщин детородного возраста за последние два года переехал из округа Марие или Линкольна в округ Нэре, а именно – на девятую линию. В холле управления Джекки, воспользовавшись тем, что очередная группа вернулась с происшествия и отряхивалась возле двери, направила ее на третью линию. Больше ради того, чтобы отработать версию, чем рассчитывая, что кто-то и вправду мог что-то видеть. Джекки жила на третьей линии, знала ее превосходно, указала, какие дома и квартиры следует обойти, и не стала упоминать, что разглядеть крыльцо противоположного дома за зарослями бугенвиллий непросто даже в спокойный день.

Подкидыша нашли возле подъезда многоквартирного дома, находящегося в ведении образовательной комиссии. Не спящая из-за жары почтенная ментор различила под утро слабый писк и сперва посчитала, что в город забрел какой-то обессиленный зверь. Послушав подозрительный звук примерно четверть часа, ментор предположила, что зверь может быть опасен,

разбудила мужа и попросила его посмотреть. Муж нашел на крыльце завернутого младенца и не долго думая отправился вместе с находкой в управление государственной стражи. Патруль наткнулся на него в десяти ярдах от подъезда.

Патрульные доставили подкидыша в госпиталь и составили рапорт, а уже по результатам осмотра младенца медиками рапорт двинулся выше – в цепкие руки полковника Стентона.

Возле приемного покоя стоял транспорт, суетились медики, и пыль лежала на их плечах кровавыми пятнами. Джекки толкнула неприметную дверь для персонала и быстро зашла. Капрал, дежуривший из-за бури внутри, отскочил к стене, потом, опомнившись, полетел к закрывшейся двери с тряпкой. Джекки сунула маску в карман, стряхнула с волос и одежды песок. Ей хотелось выпить прохладной воды и принять душ, но до этого блаженного времени была еще целая ночь без понятного результата.

Транспорт привез сразу нескольких пациентов, и из-за беготни персонала на улицу и обратно в приемном покое не переставая звенел дверной колокольчик. Кому пришла в голову эта раздражающая деталь, Джекки не знала, но с удовольствием выкинула бы в помойку его диплом. Кто-то неразборчиво и властно кричал, стоя над каталкой, здесь сейчас было совсем не до Джекки, но капрала никто не позвал, что значило – случаи не по ее ведомству.

Криво улыбнувшись сестре за стойкой, Джекки поспешила убраться.

Родильное отделение было единственным, где ей ни разу не удалось побывать. Дальше кабинета главного врача отделения ее постарались бы не пустить, но младенец и не был свидетелем, который мог хоть что-то дать, в отличие от медиков и вещей. Хирургическое отделение располагалось на втором этаже, и пока Джекки поднималась по лестнице, три человека в медицинской униформе проводили ее кровожадными взглядами. Выкинуть из своих владений государственного стражника, если он не торчал тут для охраны порядка, считал долгом любой сотрудник госпиталя. Выкидывать на улицу главу следственного отдела было себе дороже.

Специфический запах медикаментов вызывал в памяти Джекки ощущение бессилия и вязкого как патока времени, а для сотрудников госпиталя ее появление означало многочасовые допросы и избыток государственных стражников на каждом этаже. Спешившая сестра, оглядев вымазанную форму Джекки расширенными от ужаса глазами, объяснила, как найти кабинет главного врача родильного отделения, но родильное отделение Джекки оставила на потом.

Она шла по коридору, усиленно делая вид, что это не из нее песок сыпется. Следом, шагах в десяти, топал санитар с тряпкой и вытирал пол. Джекки направлялась в хирургическое отделение вслепую, в надежде, что кто-то из пострадавших архивистов пришел в себя. О возможности допроса управление должны были немедленно известить, но скорость исполнения распоряжений государственной стражи в госпитале хромала на обе ноги. Джекки подозревала, что это некая форма мести людям, приносящим с собой много власти туда, где они ее не имели.

– Ма-ма!..

Детский крик в этих стенах Джекки не слышала никогда. Тем более крик ребенка, столкнувшегося с чем-то отчаянным и невозможным.

– Мама! Мамочка! Мама! Не-ет!.. Мама!..

Джекки пролетела по коридору к отделению хирургии и рванула дверь. Девочка захлебывалась безысходными криками на одной пронзительной ноте, от которой больно звенело в ушах, и белизна коридора резала воспаленные глаза не хуже песка.

– Государственная стража! – рявкнула Джекки на растерянную женщину в униформе воспитателя начальных классов. Воспитательница была не одна, рядом с палатой сбились в кучку сестры, но они не преграждали Джекки дорогу. – В сторону!

Воспитательница испуганно отпрянула, пропуская Джекки, и крики стали невыносимы, будто их выпустили на свободу. У койки безучастно стояла доктор, и девочка лет восьми истошно кричала, задыхаясь от слез, вцепившись в белую простыню.

Джекки отступила и обернулась. Она не то что оглохла – потеряла способность воспринимать происходящее адекватно. Ребенок, в ее представлении, не должен был так кричать – по крайней мере, в присутствии и по вине людей взрослых.

– Уведите ее отсюда, сейчас же! – приказала она воспитательнице. Та не сдвинулась с места. – Я сказала – уведи – ее – сию – же – секунду! – заорала Джекки, и ей стало немного легче.

Воспитательница сделала в палату несколько робких шагов. Доктор подняла девочку за плечо, закрыла лицо мертвой женщины простыней и обернулась.

– Выйдите, офицер, – спокойно сказала она. Джекки больше прочла по ее губам этот приказ, чем расслышала, и доктор излучала притворную скорбь и неподдельный гнев. Девочка заходила в крике и стремилась вырваться, но доктор была крупной и сильной. В дверях палаты толклись сестры и не решались войти. – Выйдите все! Дайте ей попрощаться с матерью!

– Государственная стража! – Джекки, рывком обернувшись к двери, выхватила из кармана удостоверение и ткнула кому-то прямо в нос. – Уведите отсюда ребенка и окажите ей помощь!

Высокая сестра протиснулась в палату, не без труда забрала у доктора ревущую девочку. Вовремя, подумала Джекки и благодарно кивнула ей. Доктор опомнилась и попыталась остановить сестру, но Джекки заступила между ними, глядя доктору в глаза. В госпиталь Эндевора словно подбирали всех по ширине плеч и росту – доктор была выше Джекки на голову.

Воспитательница очнулась и выбежала, дверь закрылась, крики девочки стали тише, а потом замолкли. Джекки, подойдя к койке, сдернула с лица умершей простыню.

– Алиша Хант? – больше для того, чтобы быть уверенной окончательно, спросила она. – Уоррент государственной архивной службы.

«Минус один свидетель», – закончила она про себя.

– Это ее дочь. Я попросила привести ее попрощаться.

– Вы в своем уме? – с ненавистью прошипела Джекки, резко обернувшись. Доктор уверенно выдерживала ее неприязненный взгляд, и Джекки показалось, что она упивается собственной правотой. – Алиша Хант приходила в себя? Какого дня вы не сообщили об этом в управление государственной стражи?

– Она умерла, не приходя в сознание. – Доктор была крупная, статная, как высеченная из камня, и чувствовала себя хозяйкой положения. Она смотрела на Джекки сверху вниз, как на собственного нерадивого подчиненного. – Я приказала привести ее дочь. Больше у девочки никого не осталось.

Джекки покосилась на кровавые пятна на простыни. Она с самого начала подозревала, что шансов у пострадавших в аварии архивистов немного. Слишком много травм, слишком долго им не была оказана первая помощь.

– И поэтому вы тычете ребенка в искалеченный труп. – Джекки безнадежно всматривалась в лицо погибшей, но ничего, никакой зацепки, никакой информации уоррент Алиша Хант дать уже не могла. – Назовите ваше имя и место службы.

Джекки все еще держала удостоверение, и доктор могла бы потребовать показать его ближе. Почему-то она не сделала этого. Джекки вдруг ощутила не только душную ненависть, но и что-то, похожее на возвращение к жизни. Она различила едкие госпитальные запахи, яркий свет, белые стены, звуки, одним из которых было мелодичное звяканье металла о металл.

– Доктор Лаверн Лунд. Государственный госпиталь Эндевора. Зачем это вам?

– Поставить вопрос о вашем несоответствии. В течение получаса передайте тело уоррента Хант ментору Руис для вскрытия.

Джекки с такой силой захлопнула дверь, что та отскочила от косяка. Вопрос, обращенный не к ней, Джекки прекрасно расслышала:

– Кто это?

– Капитан Девентер, – без малейшего сочувствия к доктору отозвалась одна из сестер. Джекки посетовала, что не спросила и ее имя тоже. – Мне очень жаль, доктор Лунд.

Джекки не знала, кто будет следующим: третий, последний оставшийся в живых архивист из перевернувшегося транспорта, капрал Харгрейв или кто-то еще. То, что ей не сказал Рик, но, несомненно, подумал: эти четверо не последние, если кто-то решил устранить судью Торн и генерала Джервиса. Это могло быть только началом, и ни Джекки, ни Рик, ни генерал не сказали бы наверняка, кто стоял за всем этим. Джекки считала, что противовеса в парламенте, равного генералу и судье по влиянию, нет, но она могла заблуждаться.

Судебная и исполнительная власть держались в невероятной связке двадцать четыре года, достаточный срок, чтобы чья-то чаша терпения переполнилась и он быстро – фантастически быстро, Джекки, как ни напрягала память, не вспоминала никого, кто способен так оперативно сработать, – организовал нападение на архив, подставил Татэма, на которого было всем наплевать, чтобы через него подставить Торн, подставил Джервиса, который торжественно объявил, что живых сeditионистов больше не существует.

Пятой целью мог стать вероятный, в представлении многих, кандидат на место Татэма, будущий ментор, в чем никто не сомневался, носивший фамилию Торн и звание капитана государственной стражи. Капитан Эйтан Торн был откомандирован в один из южных заброшенных городов с миссией изъятия документов, и он до сих пор не вернулся, хотя должен был.

В выездах в заброшенные поселения случалось всякое – Джекки была и свидетелем, и участником, иллюзий она не строила. Группу задержала пыльная буря – так заставляла себя считать Джекки, так вслух считали все, и никто не осмеливался говорить, что Эйтан может уже никогда не вернуться. Все, что позволил себе Рик Стентон – намекнуть, каким образом события могут быть связаны.

Джекки положила на стойку удостоверение, и уставший уоррент мазнул по нему безразличным взглядом.

– Уоррент Хант скончалась, не приходя в сознание, капитан. Уоррент Лоран и капрал Харгрейв без изменений.

Джекки стянула удостоверение и убрала его в карман. Попала она не сразу, и уоррент по-прежнему равнодушно наблюдал над ее усилиями.

– Я могу поговорить с докторами?

– Если вам их не жаль, капитан. У них выдалась непростая смена.

Джекки разочарованно отошла. Ей в любом случае не могли сказать ничего, кроме неутешительных прогнозов. Из дневного рапорта она знала, что состояние уоррента Хант было наиболее стабильным и наименее тяжелым, но именно она умерла первой, оставив фактической сиротой малолетнюю дочь.

Остаток пути по коридору, лестнице и коридору до родильного отделения Джекки проделала, избавляясь от проснувшихся призраков. Полутемное здание морга, наспех сколоченное из мокрых побитых досок, металлический ржавый стол – или то были потеки крови? – и тела отца, матери и младшего брата, пробывшие в воде несколько дней. Лестер и весь округ Роуи, смытый волной высотой в сорок ярдов. Спаслись от стихии всего человек пятнадцать, из них в итоге выжили четверо.

Одного из них, подозреваемого в преступлении высшей тяжести, десять лет назад Джекки застрелила собственноручно при попытке к бегству.

– Доктор Фитцджералд?

Главный врач родильного отделения поднял голову от записей и утомленно кивнул. Джекки закрыла за собой дверь, и госпитальные звуки пропали.

– Глава следственного отдела...

– Да, я знаю, – доктор махнул рукой, указывая на хлипкий стул. Джекки села, отметив, что стул вряд ли выдержал бы кого-то потяжелее. – Капитан Джеклин Девентер. Вы не появляетесь просто так.

В госпитале было прохладнее, чем в управлении. Выше потолки, толще стены, и здание построили в те времена, когда камни добывали у океанского побережья, не боясь предательства обманчиво-спокойных волн. Джекки не знала, что было здесь прежде, возможно, такой же госпиталь, со времен Бедствия здание подвергали перепланировке бесчисленное количество раз, но не сносили.

– Как ребенок?

Доктор Фитцджералд грустно улыбался в густые усы, и Джекки не понимала причины. Радости в том, что на третьей линии найден младенец, что на округ набросилась пыльная буря, да и в собственном визите она не находила, но у доктора могло быть иное мнение.

– Жив, – уклончиво ответил доктор Фитцджералд. Он воспользовался вынужденным перерывом, снял очки, протер их полой халата. Без очков вид у него был уязвимый. – Я не вижу серьезных травм, остальное покажет время.

Он надел очки, уткнулся в бумаги и покивал собственным мыслям. Джекки он все-таки был не рад, но государственной страже не радовались, куда бы она ни пришла.

– Сколько времени он пробыл... без матери? – облизывая обветренные губы, спросила Джекки. – Не знаю, как верно задать вопрос. Погода не располагает к подброшенным детям. Высокая температура, пыльная буря. Что у него могло наступить – обезвоживание? Сколько времени он не ел?..

Доктор взглянул на нее, зажмурился на секунду, и глаза у него были такие же красные, как у самой Джекки.

– Сложно ответить наверняка. А не наверняка вам, скорее всего, и не надо? – уточнил он.

– Мне нужна любая информация, – призналась Джекки. – Вы верно заметили – я появляюсь не просто так.

– Хотите циккор? – внезапно предложил доктор и встал. – Попрошу принести, мне самому не помешает. – Он открыл дверь и крикнул кому-то в коридор, потом вернулся за стол, сел, скрестив на груди руки. – Вы задаете правильные вопросы.

Джекки ухмыльнулась, размышляя, отнести это к лести или к факту, который доктор с удовольствием бы не отметил.

– Младенцу неделя или чуть меньше, – размеренно начал он. – Мальчик, немного истощен, полагаю, у матери проблемы с молоком. Может, в этом причина, почему его подкинули? – Джекки пожал плечами. – Но без матери он пробыл недолго, максимум часа два-три. Он ухожен, был относительно сыт, не обезвожен, если за ним смотрела не мать, то кто-то, имеющий возможность следить и понимающий, что он делал. Шестой палец передается по наследству, вам стоит поискать его возможных родителей, подобные приметы всегда записываются в карточку при рождении, и, как вы понимаете, от этого непросто избавиться.

Джекки кивнула, рассматривая стол доктора. Он был завален бумагами, как и стол Рика Стентона, нагонял на нее тоску, и она понимала сопротивление Эйтана административной работе. У самой Джекки был влюбленный в бесконечную писанину Кин. Никто, кроме него, не воспринял бы всерьез совет доктора Фитцджералда поискать среди пары сотен тысяч людей кого-то с шестью пальцами, и именно скрупулезность и внимательность Кина, его любовь к копанию в иссохших от времени документах были поводом для того, чтобы Джекки бессовестно отщипнула его от кадров пожарного подразделения.

– Спасибо, – искренне сказала Джекки, больше уповая на дотошность Кина, чем на удачу, – эта информация нам поможет. Должна помочь. Вы знаете случаи, когда беременная женщина успешно притворялась не беременной и этого никто не заметил? И если это притворство ей

удалось, то по прошествии какого времени она вдруг может решить положить младенца, рожденного с такими трудностями, на крыльцо дома на третьей линии?

Доктор слушал ее, хмурясь. В стеклах очков отражались блики лампы, и Джекки плохо видела его глаза.

– Материнство это непросто, – улыбнулся доктор и снова снял очки. – Матери охотно отдают детей в ясли. Правда, там всегда не хватает мест, в поселениях, по слухам, с этим получше. Что до того, что она скрывала беременность... Постоянное утягивание отражается на развитии плода, а если учесть, что мать ни разу не появлялась в госпитале, а я бы знал, что кто-то примерно в это время должен родить, – нет, она не была среди моих пациенток. Так вот, капитан, если родильница с девятой линии...

Он помолчал, что-то прикидывая, Джекки страдальчески скривилась, опасаясь, что доктор ищет, как бы половчее соврать, хотя ему даже не пришлось намекать на квартал Пару. Он прекрасно все знал и сам, понимал, что это знает и Джекки, никуда с девятой линии не свернуть.

– У жителей квартала Пару условия труда такие, что она бы не доносила ребенка до этого срока. Позже, когда ребенок немного окрепнет... или же наоборот, или же вы официально попросите меня об этом, я дам экспертное заключение с обоснованием своих выводов.

Джекки хмыкнула. Она не сомневалась, что доктор не лжет, но не собиралась ему признаваться, что не намерена разбирать его письма еще раз.

– Я попрошу поговорить с вами доктора Руис, – она постучала пальцами по тыльной стороне крышки стола, и доктор вздрогнул от неожиданности. Джекки убрала руку. – С ней вы скорее найдете общий язык. Что, кроме смерти матери или отсутствия у нее молока, могло заставить ее отдать ребенка? Если она с девятой линии, если она не имеет квоты, она всегда могла сообщить о наступившей незапланированной беременности как о свершившемся факте, заявить, что хочет оставить беременность и ребенка под своей опекой после его рождения. Квоту ей могли и уступить, – подумав секунду, добавила она.

Если бы не буря, Джекки вцепилась бы в Линкольн и округ Марие – именно там все началось. Линкольн кажется близким, но сорок миль пешком по иссушающей жаре – приговор.

Оставалась девятая линия. Женщина, принеся ребенка, могла скрываться только там.

– За нарушение квоты полагается наказание, один из видов как раз работа в яслях в течение полугода, как и в случае, если семейное положение женщины вообще исключает квоту, – продолжала Джекки, думая о своем. – Но если квота была, зачем она скрывала беременность, отказалась от медицинской помощи, рожала на каком-то немыслимом дне, когда она могла точно так же оставить младенца на пути патруля в квартале Пару или принести его в госпиталь? Смысл подбрасывать младенца на третью линию, если законом в любом случае разрешен социальный отказ, а при квоте он не наказуем?

Доктор смотрел на нее изумленным взглядом. Открылась дверь, пожилая сестра принесла поднос с двумя чашками циккора, поставила его на стол, деликатно кивнула и удалилась. Джекки мерещилось, что в госпитале даже циккор пахнет дезинфекцией.

– Быть женщиной... нелегко, капитан. – Доктор опять улыбнулся, в этот раз как-то невесело. – Я наблюдаю их десятки, сотни, тысячи, может быть, за всю мою жизнь. Ваши рассуждения немного пугают.

– В госпитале отмечают приметы младенцев, если они не выжили? – Джекки пропустила провокацию доктора мимо ушей. – Кто может ответить насчет госпиталя в Линкольне, доктор... Эванс, кажется?

– Все это так, так, – рассеянно пробормотал доктор. – Да, разумеется. Особые приметы сразу записывают, неважно, что новорожденного ждет... Меня больше волнует другое, об этом я тоже писал. Какое бы ни было течение родов, ни один врач или опытная сестра не применят прием, который применили при появлении этого младенца на свет.

Доктор взял чашку и, пока пил, молчал, а Джекки ждала и раздумывала, не поторопит ли его, если запустит в него своей чашкой. Как только он подошел к самому главному, принялся испытывать ее терпение, словно за что-то отыгрывался.

– Ума не приложу, сколько лет может быть человеку, который владеет этим приемом. Его запретили, еще когда я учился в средних классах, а это было, смею уверить вас, капитан, давно, и всю литературу, в которой он был описан, изъяли. Что я хочу сказать: ни один практикующий врач моего возраста его не применит, он знает обо всех осложнениях, а те, кто моложе меня, ему просто-напросто не обучены.

– Кто-то из тех, кто на пенсии, – предположила Джекки. – Кто-то из тех, кто лишен права практики?

В заброшенных поселениях архивисты наткнулись на разные книги. Государственная стража изымала все, что могло представлять интерес, прочее забирала комиссия по историческим ценностям, после них наступал час службы снабжения и комиссии по культуре. Между нападением на архив и подкидывшем в таком случае могло быть больше связи – если бы нападение произошло до того, как младенец появился на свет, а вынести из хранилища попытались книгу, а не картину.

Говорить, что доктор Фитцджералд наивно верит в людей и явно спешит с однозначными выводами, Джекки не стала. Не только архивисты рылись в забитых обломками и пылью домах, туда совершали набеги и сeditионисты, и искатели ничего не значащих сокровищ и приключений. Первых до сегодняшнего вечера Джекки не принимала в расчет, а вторых регулярно ловили и отправляли на государственные работы, конфискуя все найденное. Кто-то мог зачитаться учебником по родовспоможению, запомнить прием и успешно его применить, но для этого требовалось одновременно много условий: нужное место, нужное время, нужный человек. Такие совпадения Джекки пока считала ничтожными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.